

М. Ф. Альбедиль

АРХЕТИП ЦЕЛОСТНОСТИ И ЕГО РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ИНДУИЗМЕ

Традиционная культура Индии уникальна тем, что в ней веками, если не тысячелетиями, сохранялись многие черты глубокой архаики. Как правило, они продолжали существовать параллельно с более поздними формами культуры, причем не оставались окаменелыми пережитками, а функционировали как вполне живые явления, оказывая на эти более поздние формы весьма заметное влияние. Вследствие этого на индийском материале можно проследить и выявить такие явления, которые в других культурах по тем или иным причинам оказались утерянными. В частности, представляется вероятным пролить некоторый свет на андрогинность и андрогина как на проявление архетипа целостности.

Вначале необходимо сделать терминологическое уточнение. Термин «андрогин», происходящий от двух греческих слов — andros (мужчина) и gynaí (женщина), означает сочетание мужского и женского в индивиде. Андрогина следует отличать от гермафродита, когда наличествует одновременное или последовательное наличие мужских и женских половых признаков во внешнем виде. Как правило, гермафродитизм касается физиологического аспекта двуполости, в то время как андрогинность подразумевает философский, символический аспект. Андрогину присущи не совмещение анатомических органов, а символическая целостность энергии, связанной с обоими полами. В научных исследованиях последнего времени андрогинность все чаще понимается как внутреннее свойство человеческой психики или используется как философская категория, культурный конструкт и т.п.

Андрогинность как архетип целостности представляет немалый интерес хотя бы потому, что К. Юнг считал его базовым, централь-

ным, первичным архетипом. По Юнгу, андрогинность — это особое свойство человеческой личности, которая достигла высокой степени внутренней гармонии. Примером такой личности, в которой все противоположности разрешены в «андрогинной взаимодополнительности и единстве», психолог считал Иисуса Христа [Юнг 1991: 41]. Терапевтический опыт самого Юнга доказывал, что человеческая психика по своей природе андрогинна. Очевидно, уже одного этого достаточно, чтобы заинтересоваться андрогином как архетипом целостности [Там же: 57–60].

Здесь нельзя не вспомнить Платона, к которому восходит культурная традиция восприятия андрогина в западной культуре. Как известно, в диалоге «Пир» философ вкладывает в уста Аристофана древнюю легенду об андрогинах, соединявших в себе признаки женского и мужского пола. По мысли философа, у андрогинов было три пола. Один происходил от Солнца; это был мужской пол, женский брал начало от Земли, а третий пол состоял из женского и мужского одновременно, он был связан с Луной. Платон описал андрогина как существо с округлым телом, у которого спина не отличается от груди, четыре руки и ноги. Такое андрогинное существо воплощало целостность, самодостаточность и независимость. Андрогинны были очень сильны, не нуждались в божественном покровительстве и даже посягали на власть богов. Зевс решил разрезать их пополам, чтобы уменьшить их силу вдвое. Будучи разделенными, бывшие половинки андрогина стремятся слиться в единое существо. С тех пор каждый человек полон желанием найти свою вторую половину и соединиться с ней, чтобы стать целостным существом [Платон 1993: 98]. Таким образом, идея андрогинности у Платона тесно связана с идеей любви, эроса как вечной жажды воссоединения, а образ андрогина стал одним из символов изначальной целостности, которая была утрачена из-за пренебрежения к высшим силам и гордыни.

Примечательно, что в некоторых средневековых теологических трактатах, толкующих Библию и Талмуд, платоновская легенда повторяется, хотя и с некоторыми изменениями. Говорится, что «Адам и Ева созданы были как единое существо, что срослось плечами спина к спине; затем Господь разделил их, ударом топора рассекши их на мужчину и женщину» [Элиаде 1998: 320].

Но вернемся к Платону. Может быть, сам того не желая, он задал определенный импульс для философских и иных разысканий по поводу андрогинности. В Европе эту тему активно разрабатывали

средневековые алхимики: андрогинный *ребис* (букв. «две вещи») был у них центральным символом. Тему андрогинности затрагивали и философы-мистики, особенно немцы Якоб Беме (1575–1624) и Франц Баадер (1765–1841). Они считали андрогинов совершенными двуедиными существами [Бонецкая 2011: 81–85]. По их мнению, первочеловек Адам был андрогинен, а его женской составляющей была Премудрость Божия. Такое состояние сохранялось до грехопадения, т.е. утрата андрогинности воспринималась ими как отход от божественного замысла. Эти философы считали, что и Христос соединял в себе женское и мужское начала в едином андрогинном образе. По их мнению, люди должны стремиться к состоянию андрогинности и когда-нибудь они смогут его достичь. В этом и состоит цель брачной любви: в стремлении восстановить утерянную первоначальную андрогинную природу, а вовсе не в продлении рода [Там же: 87–89].

Под влиянием идей этих немецких мистиков относительно учения об андрогине находились некоторые из наших отечественных мыслителей. Так, Н.А. Бердяев (1874–1948) определял андрогинность как духовно-творческое единение мужского и женского начал [Бердяев 1930: 35–40]. Сходные идеи развивал известный мыслитель Вл. Соловьев (1853–1900). В своем произведении «Смысл любви», цикле из пяти статей, опубликованном в журналах за 1892–1893 гг., он христианизировал миф Платона и трактовал андрогинность как фундаментальное свойство человеческой природы, как возврат к образу божью. При этом он имел в виду не телесное восстановление, а духовное, как мистический союз мужчины и женщины (см.: [Лосев 2009: 305]).

Теме андрогина отдала дань и литература. Его образ вдохновлял многих поэтов и писателей; достаточно вспомнить прежде всего немецких романтиков XVIII в., от которых эту тему восприняли Бальзак, Эминеску и другие писатели и поэты [Элиаде 1998: 303–323].

Столь обширное вступление к теме статьи не случайно. Приведенные примеры показывают, что тема андрогинности имеет многовековую историю, а образ андрогина как воплощение совершенного человека является в культуре одной из распространенных и устойчивых метафор. В разные эпохи истории человечества она предстает в разных модификациях, наполняясь новыми акцентами и нюансами значений. Но при всех трансформациях образ андрогина сохраняет свою базовую семантику и соотносится с понятиями совершенства, гармонии и сочетания противоположностей. Видимо, этот образ затрагивает какие-то глубинные струны нашей психологии, иначе он не был бы

так устойчив на протяжении веков. Может быть, стоит отметить, что метафизический смысл андрогина как совершенного человека был утрачен в Европе во второй половине XIX в.; его вытеснил чувственный гермафродитизм.

Очевидно, это достаточно древняя и устойчивая антропологическая тема: андрогин как совершенный человек, как изначальный архетип. Это подтверждают данные древней мифологии разных народов. Обращение к ним оправдано тем, что мифология была первой ступенью обработки и адаптации архетипических образов. Практически в каждой мифологической системе присутствует идея первичной андрогинности бытия, его изначальной целостности и гармоничного соединения противоположностей. Да и само мироздание возникает из раскола некоего изначального единства. В мифологическом дискурсе андрогинность несет в себе признаки сакральности, божественности и является атрибутом высшей силы, способной творить и порождать.

Мифические предки и многие божества отмечены андрогинной природой, и двуполость, единство мужского и женского начал, выступает как один из их важных атрибутов, как парадигматическое выражение творящей силы. Достаточно вспомнить пары, образующие андрогинное единство, например, шумерского бога неба Ана и бога земли Энлиля, древнеегипетских Гу и Наунет, семитских Ваала и Асторет. Сюда же относятся древнегреческая богиня Гея (Земля), самостоятельно породившая Урана (Небо), или Гера, которая одна произвела на свет Гефеста и Тифона, а также другие примеры из античной мифологии. По большей части такие андрогинные божества воплощают сосуществование противоположностей, космологических начал [Копылова 2014: 99–102].

Индия не является исключением из этого типологического ряда. Интересно, что в древнеиндийской мифологии встречается версия, сходная с легендой Платона: бог-творец, пожелав второго, стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Затем он разделил себя на две части, создав тем самым супруга и супругу, которые были подобны половинкам одного куска.

В самых древних ведических текстах андрогином считался космический гигант Пуруша, из плоти которого был сотворен мир. Сходной природой отмечена Адити, божественная корова-бык, мать и отец всех богов. Как андрогин воспринимался бог-творец Праджапати в брахманических текстах, примыкающих к ведам. Андрогином был и Брахма, верховное божество в индуистской триаде Брахма —

Вишну — Шива. О его происхождении повествуется так: вначале не было ничего, кроме воды. Потом вода породила огонь, и от тепла возникло Золотое яйцо, из которого вылупился бог Брахма. Он огляделся вокруг и увидел, что он одинок во вселенной. Тогда он силой мысли породил семерых сыновей, которые выходили из разных частей его тела, из глаз, ноздрей, ушей и т.д. Наконец, из большого пальца правой ноги Брахмы вышел бог Дакша, а из большого пальца левой ноги — богиня Вирини. Дакша и Вирини стали супругами и продолжили дело заселения Земли уже обычным способом. По другой версии, Брахма, обнаружив, что он один во вселенной, разделился надвое, и из его тела возникла богиня Савитри. Брахма сделал ее своей супругой, и они породили остальных богов.

Можно вспомнить и другие андрогинные образы в индуизме: *анава* — аспект Вишну, одного из центральных богов индуизма, который расчленяет себя на мужское и женское начала. Встречается и такой своеобразный вариант андрогинности, когда тот или иной мифологический персонаж появляется то в мужском, а то в женском облике. Выразительным примером может служить богиня Ила, которая известна в своей мужской форме как Судьюмна. Она является то женщиной, то мужчиной, и так эти явления чередуются. В разных мифологических версиях это выглядит по-разному: то она рождается девочкой, но вскоре после рождения получает благословение и превращается в мальчика; то во взрослом возрасте в результате проклятия меняет свой пол каждый месяц. Согласно еще одному варианту мифа она становится женщиной опять-таки после проклятия, выходит замуж за Будху, сына Сомы, и рождает Пурураваса, который становится основателем Лунной династии. После этого Ила становится мужчиной и отцом трех сыновей [Doniger 1980: 311–315].

О двуполох образах свидетельствуют также одноименные пары богов, например, Яма и Ями, Индра и Индрани и т.д. Сходный вариант андрогинности наблюдается в андаманской мифологии. Там божество Пулугу почитается как мужское в южной части архипелага и как женское в северной. Эти и другие примеры свидетельствуют, что андрогинность, соединение противоположностей в божественном единстве, воспринимается в индуизме как универсальная форма проявления мужской и женской энергий.

Этот вывод подкрепляется и индуистской иконографией. С древности известны изображения божеств, которые одновременно обладают мужскими и женскими признаками; они встречаются в иконо-

графии не только индуизма, но и других религий. Идея андрогинности передается разными способами: в виде соединения мужского и женского тел (двух половин, соединенных по средней линии или спинами, наподобие сиамских близнецов и т.д.) или существа, обладающего двумя ликами, смотрящими в разные стороны. Это могут быть также мужчины с отдельными женскими признаками или женщины с мужскими признаками. Может быть, самый наглядный образ андрогина в индуизме — это пара богов, Шива и его супруга, фигурирующая под разными именами, которые изображаются как одно существо — ардханаришвара. Обычно это существо изображается как наполовину женщина и наполовину мужчина. При этом его правая сторона показывает Шиву, а левая — Парвати. Идея андрогинности присутствует в символе соединения мужского и женского начал, линга-йони, которое часто служит иконическим образом Шивы и Парвати. Подобные изображения встречаются по всей Индии. Представления об андрогинности связаны и с земледельческими божествами и ритуалами плодородия.

Количество подобных примеров можно увеличить, но важнее понять, что же за всем этим стоит в индуизме. По всей вероятности, за образом андрогина стоит тема преодоления противоположностей, которая составляет сердцевину индийской духовности. Этот образ как никакой другой передает попытки человека выйти за рамки непосредственной личной ситуации, подняться на сверхличностную точку зрения, поскольку в своем непосредственном жизненном опыте он буквально соткан из парных противоположностей. Индуистское же мышление направлено на их преодоление или хотя бы примирение.

В основе этого мышления лежит доктрина, согласно которой любые противоположности значимы лишь в мире проявлений, на профанном, непросветленном уровне существования. С трансцендентной же точки зрения они иллюзорны. Поэтому в индуизме разработаны методы воссоединения противоположностей и восстановления андрогинности в своем теле и сознании: это путь и философского размышления, и медитации, и различные психофизические техники.

Но, пожалуй, наиболее выразительно попытка восстановить утраченное андрогинное единство для древней Индии просматривается в ритуалах жертвоприношения, описанных в брахманических текстах. Мы обращались к теме жертвоприношения на нашем семинаре, и здесь нет необходимости повторяться [Жертвоприношение в архаи-

ке 2012]. Основная функция жертвоприношения — собрать воедино то, что было раздроблено, разъединено на части «во время оно». При жертвоприношении частицы тела Пуруши-Праджапати, рассеянные в космосе, символически соединяются воедино, и божество как бы вновь воскресает в своей изначальной целостности. Исполнитель обряда при этом стремится обрести единство своего я. Отсюда, может быть, и проистекает чрезвычайно сложная символика, связанная с жертвоприношением.

О восстановлении андрогинности можно говорить и применительно к ритуалам так называемой «смены одежды», или смены облачения, когда мужчины надевали женскую одежду, а женщины — мужскую. Подобные ритуалы играли ведущую роль в земледельческих обрядах. В некоторых местностях мужчины даже надевали искусственную грудь во время поклонения богине растительности, которая являлась андрогинном. Ритуальная смена одежды, видимо, имеет целью достроить себя до целостного андрогина и вернуться к первоначальному целостному состоянию, которое считалось совершенным.

Наиболее ярко идея андрогинности проявляется в майтхуне, ритуальном слиянии мужчины и женщины в индуистском тантризме, во время которого они символически превращаются в божественную пару, выражение высших сущностей. При этом женщина превращается в инкарнацию Шакти; она становится богиней, а йогин должен воплотить в себе бога [Элиаде 1999: 312–315].

Таким образом, в индуистских представлениях об андрогинах, выраженных в мифах и ритуалах, по всей вероятности, запечатлелось стремление восстановить утраченное состояние целостности и всеединства при полном преодолении ограничений. Это стремление направлено на усовершенствование человека через его уподобление с андрогинном.

Библиография

- Бердяев Н.А.* Из этюдов о Я. Беме. Этюд II. Учение о Софии и андрогине Я. Беме и русские софиологические течения // Путь. М., 1930. № 21. С. 34–62.
- Бонецкая Н.К.* Андрогин против сверхчеловека // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 81–95.
- Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: Сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики». СПб., 2012. Вып. V.
- Копылова Н.А.* Идея андрогинности в античной культуре // Уч. зап. Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Фило

софия. Культурология. Политология. Социология». Т. 27 (66). 2014. № 1. С. 97–104.

Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2009.

Платон. Собр. соч. М., 1993. Т. 2.

Элиаде М. Миф о воссоединении // Азиатская алхимия. М., 1998. С. 273–323.

Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода. СПб., 1999.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

Doniger Wendy (O'Flaherty). Women, Androgynes and Other Mythical Beasts. Chicago, 1980.